

НЕ ЗНАЮ, все ли мы отдаем себе отчет в историчности нынешнего времени, правильно ли видим масштаб событий, происходящих на наших глазах, да и при нашем участии. Надвинулось волнующее ощущение перемен, здоровых, исцеляющих. Где предчувствие, а где и возможность, которыми уже жадно и радостно пользуются на заводах, в научных учреждениях, в самых разных коллективах.

Большая очистительная работа, которую проводит сейчас партия, вызывает горячее одобрение всех трудящихся. Открываются новые возможности трудиться так, как требует от нас время, будущее нашей страны. Всколыхнулось нравственное чувство народа.

Естественно, наша литература всегда занималась нравственными проблемами. Можно назвать целый ряд произведений, в которых разоблачались, например, преступные явления в торговле, в сфере быта, в экономике. Но, признаюсь, события, последовавшие после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, породили у меня острое чувство неудовлетворенности нашей писательской работой, заставили пересмотреть устоявшиеся, казалось, представления, породили вопросы серьезные, трудные. Чувство неудовлетворения нашей современной литературой обращено и к собственной работе, и к работе своих товарищей. Стали очевидны сглаженность, облебенность, уклончивость, примиренчество. На протяжении многих лет критика настаивала на создании образов положительных героев, героев нравственного подвига. Героев же отрицательных, героев безнравственной жизни старались тщательно уравнивать, их придерживали за руку, им устанавливали строгие нормы поступков и высказываний. Их социальную опасность нередко занижали. Осторожные редакторы, притупляя критику, грозили клеймом «очернительства»; свои «нельзя!» они оправдывали формулой «сейчас — не момент!». Мы же проявляли уступчивость, верность правде жизни меняли на близкий срок публикации. Литература не исследовала зло в его изменчивых формах перерожденцев, настоящих карьеристов, корысть в ее уродливейших, казалось бы, бессмысленных проявлениях. Примеры безнравственности, аморальности в наших книгах вряд ли могут помочь сегодня понять корни и значимость отрицательных явлений. Боюсь, что сегодня, в этот чрезвычайно важный момент жизни нашего общества, многие из написанных нами книг представляются крайне наивными, их обличительный пафос — мелкокалиберным, их злодея — анемичными.

На руку эта литературная робость была прежде всего силам зла. Их, конечно же, устраивала робкая литература, литература очковтирательства, показухи, литература приписок и угодничества, литература несмелющая.

Могут сказать — появились, допустим, пьесы, остро показывающие устарелый порочный

Монолог о времени и о себе Даниил Гранин

кады передать картины Филонова на хранение в Русский музей. Это был истинно героический поступок, один из подвигов ленинградцев того страшного времени. Еле державшаяся на ногах, она волокла по замерзшим улицам города пакет — огромную тяжесть! — с 379 работами и рукописями брата, 21

полотно на валу нес ее родственник. Более 40 лет прошло с военной поры. Работы художника, признанного ныне всемирно, так и хранятся в Русском музее, частично в Третьяковской галерее, несколько картин в других музеях страны. Сделанное и покойной Е. Н. Глебовой, и людьми, занимавшимися наследием П. Н. Филонова, не пропало, не кануло в Лету. И в то же время — кануло, ибо уже не одно поколение лишено радости видеть эту чудесную живопись. Картины так и не выставлены, они лежат в запасниках. В чем же дело?

Предпринималось немало попыток устроить выставки Филонова, рассказать о его творчестве, выпустить монографии о нем, и всякий раз эти попытки наталкивались на какое-то непонятное сопротивление. Филонов — художник, рожденный Октябрьской революцией, связавший с ней свою судьбу. Жизнь его — образец служения революционному искусству. Никаких возражений, по сути, не было, слышалось лишь невнятное, но многозначительное «мычание», которое издавали люди, облеченные правом разрешать или не разрешать. Их я, в общем, не очень и виню, потому что они опирались на мнение некоторых деятелей Академии художеств, Союза художников, и этого было достаточно. «Знатоки»-искусствоведы, выразительно закатив глаза, высказывались следующим образом: «Зачем вам это надо?», «Вы сами должны понимать...» или «Еще рано» и проч., проч. Прикрываясь этими «достоинствами», они заботились лишь о своей репутации, чтобы их не упрекнули: «За что же вы ругали, поносили живопись Филонова?» Нет уж, лучше ее не показывать.

Несколько раз я пытался напечатать воспоминания Е. Н. Глебовой о брате. Упросил, буквально заставил ее их написать, поскольку она одна могла рассказать о детстве и юности художника. Мы с главным редактором «Невы» пытались опубликовать воспоминания в журнале, приложив несколько филоновских литографий. Не вышло. Я даже записал диалог по этому случаю:

— Да вы знаете, Даниил Александрович, не стоит, подождем.

— А чего «подождем»?

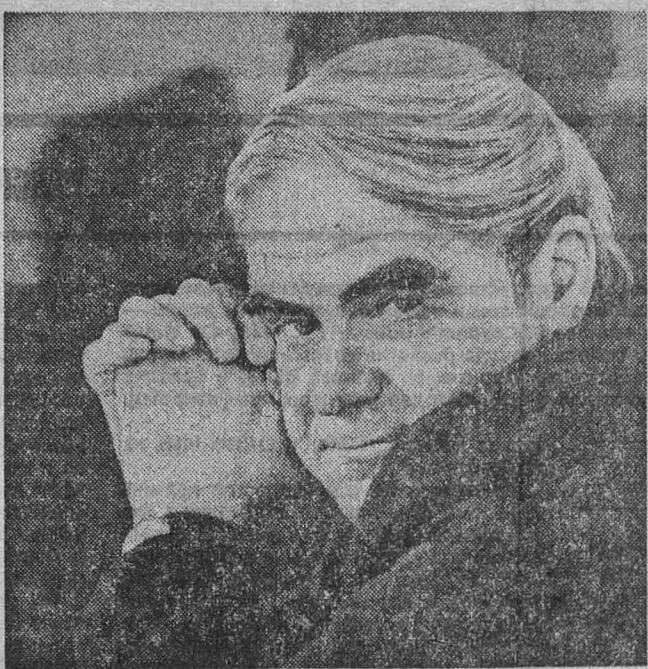
— Даниил Александрович, вы сами должны понимать.

— А я не понимаю.

И я действительно не понимал — ведь речь шла не об идеях изъятия, а о субъективном отношении к манере живописи.

— Ну как вы не понимаете? — тонкая улыбка авгура — как тайный знак соумышленнику.

Идет разговор, полный намеков, которые вроде бы должны что-то пояснять. Но ничего они не поясняют, кроме желания отпихнуть от себя дело, может,



ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОДЛИННАЯ И МНИМАЯ

стиль руководства, людей, которые предали интересы партии и народа (вспоминается, сколько мук в свое время натерпелась острая пьеса В. Розова «Гнездо глухаря»); эти пьесы последнего времени, несмотря на некоторую злободневную поспешность, несомненно, работают. Но речь идет о большем. Речь идет об ответственности литературы за состояние духовной и нравственной жизни общества. Ответственности, мне думается, не только за показ здоровых сил, строительство нового человека, но и за честное, бесстрашное отражение преступного, враждебного нашему обществу. И анализ, глубинное исследование причин зла.

Есть особый вид литературных приспособленцев, которые умеют мгновенно перестроиться, первыми выйти на трибуну и пылко поносить то, к чему вчера призывали, ничем при этом не терзаясь и никого не стыдясь. Есть ремесленники, которые бодро готовы разделять новые темы, им эти сюжеты не боль и печаль, а, скорее, пикантная свежатица. Но не о них разговор. Скорее, о том, как важно художнику осмыслить происходящее, понять значение той борьбы и работы, которую разворачивает сейчас партия, как важны и для нас новые подходы к своему делу, взаимная требовательность и взыскательность.

В ТЕЧЕНИЕ многих лет мы не занимались всерьез социологией чтения. Отчасти можно понять, почему не занимались. Существовал книжный голод, казалось, что тут не до исследований: какую книгу ни выступи — ее все равно тут же схватят. И едрю в последнее время стало обнаруживаться, что книги берут с разбором, и какие-то уже долго лежат в магазинах, а иные и вовсе не раскупаются... Начиная выясняться и другие обстоятельства: книги, которые покупают — а цифрами проданных томов мы гордились, книжный бум нам казался показателем культуры, — их не всегда читают, даже те из них, что были предметом дефицита, спекуляции. То есть нет прямой связи между спросом, продажей, числом купленных книг и чтением. Точно так же, как нет прямой связи между лихвой парой обуви и ходьбой — не обязательно приобретая новые туфли, мы станем больше ходить. Недавнее социологическое исследование, проведенное Ленинградским педагогическим институтом имени А. И. Герцена среди десятиклассников Ленинграда, Петрозаводска Шадринска, Саранска, в котором участвовало около четырех с половиной тысяч учащихся, показало довольно грустную картину. В ответах на вопрос анкеты «Какие книги, прочитанные вами не по программе, а по собственному желанию, произвели на вас особенно сильное впечатление?» — не было названо ни одного произведения русской классической литературы, не упомянуты первоклассные вещи советских писателей.

Отлучению школьников от художественного слова способствовало продолжавшееся, несмотря на все разговоры, сокращение и ухудшение преподавания литературы в школе, и нынешняя реформа этот процесс, увы, пока не остановила.

Но, кроме того, существуют и другие не менее серьезные причины, отчего читать стали меньше. Раньше по вечерам, если не шли в кино или театр, брали в руки книгу. Интересная книга собирала за столом всю семью. Теперь семья — и стар, и мал — глядит часами на телевизор. К магнитофонам добавились еще и видеомэгафоны. А жизнь-то человеческая ненадолго удлинится, количество свободных часов не прибавится, и к этому надо относиться трезво, понимать, что у современного человека меньше остается часов на чтение, чем у человека, допустим, 30-х годов. Книг меж тем выпускается все больше, и что происходит с их чтением, мы очень плохо знаем. — В этом смысле мы живем и работаем вслепую. Хотя не вооруженным социологическим оптикой глазом видно, что круг чтения сужается, люди читают меньше, читают поверхностно, наспех, предпочитают чтиво, все чаще удовлетворяются сублитературой. Развлекательное кино, легкая музыка во всякого рода упаковках — готовые музыкальные консервы и легкое, без серьезной духовной работы чтение. Растет потребление субискусства — субмузыки, субживописи, и эта субкультура довольно пышно начинает расцветать среди социологического безмолвия. Нам не обойтись без социологического анализа, без четких критериев, точных ориентиров, открытого, гласного обсуждения, что мы читаем, а что мы не читаем, каковы вкусы, каковы интересы разных слоев населения. Это необходимо для нашей критики, для движения литературы.

Порой создается впечатление, что пафос нашей критики, то, что она превозносит и против чего направляет свои удары, нередко почти не имеет точек соприкосновения с практикой чтения народа, с повседневной читательской жизнью, а движется в каком-то замкнутом кругу нашей литературной общественности, может быть, и достаточно большом кругу, но все же бесконечно малом в сравнении с самой жизнью.

Социология чтения поможет многое поставить на свои места. И может оказаться, что писатели, которые критикой числятся во второстепенных, которые ею критикуются или замалчиваются, — их-то и читают больше всего. И наоборот. Некоторые литературные имена, «авторитеты», созданные критикой, читателям мало известны или о них не знают вовсе. Их, может быть, не читают, потому что читатели имеют плохой вкус или не досрости до серьезной литературы. А может, и правильно делают, что обходят их произведения своим вниманием. Социологические исследования чтения должны стать сегодня одним из главных элементов нашей литературной жизни.

ЕСТЬ еще один важный аспект темы: ответственность художника и тех, кто призван помогать ему в его нелегкой работе, кто в силу должностных обязанностей первым или одним из первых знакомится с рукописью, художественным полотно, кинолентой и от кого зависит дальнейшая судьба произведения. Вряд ли надо доказывать, как важно, чтобы эти должностные лица руководствовались прежде всего идейно-художественными критериями, а не пресловутой логикой «кабычегоневыш-ло».

Те, кто читал «Блокадную книгу», помнят, быть может, рассказанную в ней историю о спасении картин замечательно советского художника Павла Николаевича Филонова. Он погиб в Ленинграде от голода в декабре 1941 года. Его сестра Евдокия Николаевна Глебова сумела в разгар бло-

чем-то рискованное, уйти от личной ответственности.

Несколько раз картины Филонова все же прорывались из темноты и тесноты запасников на свет божий. Так, они были показаны на выставке «Москва — Париж», имели успех и стали открытием. «Ну, то для заграницы, а для наших людей это не нужно» — вот какое простое объяснение сановного авгура.

Почему? Как можно решать за людей, любящих живопись, желающих видеть ее, что им «нужно», а что «не нужно»? На каком основании отлучается творчество большого художника от народа? Спросите у любого из этих искусствоведов, какие аргументы он может представить против искусства Филонова. А если он даже и выскажет свои соображения, то почему именно его оценка должна оказаться решающей? Конечно, рано или поздно Филонов будет показан, будут выставлены работы Малевича, Ларионова, других мастеров, может, и не такого масштаба, но мастеров прекрасных. Но как объяснить то, что их полотна были спрятаны от наших глаз в течение десятилетий? А вопрос об ответственности, я считаю, — важнейший в судьбе искусства.

Конечно, каждый период нашего сложного времени предъявляет свои требования к искусству, и эстетические вкусы не независимы от этих требований. Но существование «запасников» в разных жанрах нашего искусства нередко вызвано равнодушием, некомпетентностью. И чаще другого перестраховкой «с запасом».

Известно, что галантный Филонов, принадлежавший к числу острых и оригинальных экспериментаторов, в своих поисках порой отступал от обычных реалистических традиций и сближался с направлениями, иногда обозначаемыми термином «авангардизм».

На определенных этапах истории нашей культуры Филонов, как и некоторые другие схожие с ним художники-экспериментаторы, мог быть неправильно понят и истолкован. Сегодня такая опасность не грозит (хотя мы по-прежнему решительно отвергаем бесплодный модернизм). Следовательно, держать Филонова столько лет «в тайне» было уже ни к чему. А его по инерции держали.

Книга лучших стихов Владимира Высоцкого увидела свет, когда его самого уже на свете не было. Не найдешь сейчас, с кого спросить. А ведь не преданные гласности, эти явления не становятся уроком, они уходят, уплывают, течение жизни относит их в прошлое.

Представьте себе, что готовый к пуску завод, призванный давать нужную продукцию, вдруг закрывают только потому, что какой-то начальник скажет: «Не по душе мне этот завод». Абсурд! Если даже нечто подобное произойдет, то виновные за это понесут строжайшее наказание. Но ведь поэт, художник, режиссер — тоже завод, «вырабатывающий счастье», как говорил Маяковский. Почему же такие заводы можно закрывать безнаказанно? Почему за многолетний простой таких заводов, за недодавшее ими никто не несет ответственности?

Не дань ли перестраховке и тот факт, что издательство «Молодая гвардия» не включило в собрание сочинений Василия Быкова его повесть «Атака с ходу», которая вошла в собрание сочинений автора на белорусском языке?

Уже говорили публично и писали о неоправданно трудной судьбе картин Алексея Германа. Десять лет пролежала на полке и картина Элема Климова «Агония». Недавно вышел на экраны новый замечательный фильм этого режиссера — «Иди и смотри». Оказывается, к съемкам фильма Климов приступал еще в 1976 году. Однако работавший тогда заместителем председателя Госкино СССР Б. Павленок прикрыл его работу. Понадобилось восемь лет, чтобы возобновить съемки по тому же сценарию. Без переделок. Вот во что обходится художнику принципиальность.

В подобных историях не всегда ощутима роль наших творческих союзов. Порою они предпочитают не вмешиваться в борьбу, которую одиноко ведет с издателями автор. Четыре года никак не могли решиться напечатать интереснейший роман ленинградского прозаика В. Мухоманова. История с этим романом возмущала литераторов Ленинграда, о ней говорили на собраниях, однако правление нашей творческой организации ничего не сделало, не откликнулось, не встало на защиту писательских прав. Сейчас наконец роман выходит в «Советском писателе». И никто не сможет объяснить, зачем нужны были эти четыре года вытартарств.

Мы все с охотой повторяем, что художник призван служить своим талантом обществу, быть ответственным перед временем. Но эта ответственность должна иметь возможность осуществиться. И своевременно, и хочется, чтобы ответственность была полной. Чтобы не делить ее ни с кем и не ссылаться потом на редакторов, чтобы не было стыдно перед читателем, ждущим нашего слова не «после», а «до». Гражданское чувство ответственности нуждается не только в гражданских, но и в правах, оно должно быть поддержано практикой работы творческих союзов, иначе сегодня, очевидно, нельзя. Недаром ныне так остро ставится вопрос о персональной ответственности в народном хозяйстве, чтобы было кому отвечать, с кого спросить. Литература — дело тем более персональное, щучное, где понятие ответственности связано с глубоким, личным и отнюдь не отвлеченным воплощением, с расширением и прав, и обязанностью писательского мужества. Все насущные, сложные вопросы нашего литературного бытия нуждаются в открытых, гласных обсуждениях.